

Казанская

Правда

Философия сакрального пространства

Главная суть мавзолея Ходжи Ахмета Ясави – в красоте пространственных решений.

В свет вышла книга Юрия Ёлгина «Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави: История архитектурно-археологических исследований». Это уже вторая книга автора, посвященная туркестанскому памятнику архитектуры, написанная Юрием Андреевичем за последние девять лет. Увлечению же средневековой жемчужиной зодчества – порядка 40 лет.

Еще будучи студентом факультета теории и истории искусства института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина в Ленинграде, который окончил в 1982 году по специальности «теория и история искусства», Ёлгин впервые поехал в Туркестан, где воочию увидел мавзолей и явственно почувствовал, что эта «машина» с ним навсегда.

Его дипломная работа называлась «Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в системе памятников среднеазиатской архитектуры».

– Что мог написать молодой дипломник? – вопрошает Юрий Ёлгин. – Правильно, компиляцию! Но здесь компиляция была отнюдь не в

ругательном значении этого слова (которое часто приравнивают к плагиату, бывает, необоснованно), а как научный метод исследования. На этом факультете другое и не прошло бы, педагоги наши были из числа научных светил и требования предъявляли суровые. Рецензентом выступил Владимир Гусев, будущий многолетний директор Русского музея. Нашему курсу он читал лекции по искусству союзных республик. Уже тогда я старался уйти от описательности в своих опусах. Ключевым в названии моей дипломной работы было слово «система», то есть уже тогда историю среднеазиатской архитектуры я интуитивно воспринял как последовательную цепь закономерностей развития архитектоники кирпичной конструкции. Свою роль сыграло и историческое знание о туркестанском мавзолее.

Архитектурное наследие Южного Казахстана прочно вошло в жизнь Юрия Ёлгина после того, как он начал работать в НИО охраны памятников при Чимкентском музее. Много было открытием. Уже вторая его командировка была в Туркестан, она дала некий импульс к размышлению о туркестанском шедевре. На протяжении 10 лет он регулярно ездил в Туркестан, был в курсе реставрации.

В то время в Казахстане наступил период первичного формирования истории архитектуры как самостоятельной области знания, в особенности сакральной. Началась подготовка свода памятников истории и культуры Казахстана. Первый том был посвящен Чимкентской области, а Юрий Андреевич был в числе его авторов.

Исследователь считает, что первую серьезную статью о Хазрете он написал в 1985 году для четырехтомной энциклопедии по Казахской ССР. Следом опубликовал целый ряд статей в сборнике «Известия» Академии наук РК. Так постепенно накапливался материал для первой книги «Археологические и историко-архитектурные исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави: вторая половина XIX в. – середина 1950-х годов (очерки и материалы)».

Приступая к работе над второй книгой, Юрий Андреевич задался целью компенсировать недостаток тех немногих существующих историографических работ по мавзолею Ходжи Ахмета Яссауи, заключающийся в абсолютном умалчивании роли археологии в изучении полностью сохранившегося памятника архитектуры. В основу книги легли результаты работы автора в библиотеках и архивах Алматы и СНГ, проводившейся на протяжении более чем 30 лет, письменные источники, литературные свидетельства и их сопоставление с

результатами археологических изысканий 1920-х, 1950–2010-х годов, проводившихся как в охранной зоне памятника, так и непосредственно на мавзолее Яссауи.

Во второй книге Юрий Ёлгин определил очень узкие рамки историографического исследования – первое десятилетие XX века. Этот период примечателен двумя знаковыми фигурами, побывавшими в Туркестане и внесшими вклад в изучение мавзолея, – Вильгельма Гейнцельмана и Сергея Малицкого. Гражданский инженер Вильгельм Гейнцельман служил чиновником особых поручений по строительной части при генерал-губернаторе. В апреле 1906 года губернатор командировал его в Туркестан после того, как произошел несчастный случай: обрушилась кровля мавзолея, под завалами погиб ребенок. Вильгельму Соломоновичу предстояло оценить состояние здания и внести предложения по его ремонту. Он там пробыл три дня и сделал пространственный доклад, представляющий собой развернутую, хорошо проработанную архитектурно-инженерную программу.

Главный вывод, к которому пришел чиновник, сводился к тому, что без установки строительных лесов внизу и разборки сводов здания ремонт начинать нельзя, а значит – это дело будущего. Его выводы подтвердились после проведения исследований в 30-х, 50–60-х годах прошлого столетия.

По следам Вильгельма Гейнцельмана губернатор послал в Туркестан военного инженера Сергея Малицкого, сделавшего затем научно-теоретический доклад на заседании Туркестанского кружка любителей археологии. В нем Сергей Гурьевич предпринял попытки найти истоки прототипа туркестанского памятника, не имеющего аналогов в мусульманском зодчестве.

В ходе размышлений и анализа он увидел просто парадоксальное сходство со стамбульским памятником – собором Святой Софии Константинопольской. Совпадения выявились вплоть до расположения лестничных клеток.

Каждой из этих историй Юрий Ёлгин посвятил отдельную главу. Собственно, они являются основополагающими в книге.

– В ходе развернутого историографического анализа материала, как будто посвященного очень короткому хронологическому отрезку, а на самом деле охватывающему столетие, пришлось ломать многие

стереотипы, устоявшиеся представления и мнения, в том числе и свои собственные, – признается автор книги. – Этого требовали новый материал и переосмысление старого. Ведь мне предстояло вступать в дискуссию с признанными авторитетами, начиная с Петра Лерха, Михаила Массона и заканчивая Лией Маньковской. Всех этих ученых я безмерно ценю и искренне уважаю, вклад их в изучение мавзолея громаден. Это касается многих вопросов. Причем частности и детали позже играли большую роль в рассуждениях общего порядка.

Искусствовед считает, что сложности неизбежны во всякой творческой и научной работе, если к ней подходить не формально, а с позиций своих научных взглядов и мировоззренческих установок. Что касается историографии мавзолея, то тут многое неизведанно, а что известно – то противоречиво.

– Все начинается уже с дефиниции туркестанского памятника, – говорит Юрий Ёлгин. – Не устоялась транскрипция в написании имени святого – до сих пор полный разнобой! И он будет жить еще долго. Не определена типологическая и функциональная принадлежность здания. В последние 35–40 лет его часто называют ханакой, не приводя обоснований для этого термина. Дело в том, что в письменных источниках нигде этот памятник так не назван, наоборот, подчеркивается его мемориальный характер. При этом в полную силу продолжает «жить» определение «мавзолей». Много сомнений мне приходилось преодолевать самому, как автору, вновь и вновь обращаясь к источникам, чтобы обосновать свои доводы.

В новой книге автор решил писать не в сугубо хронологическом порядке, воспринимая историографию как пересказ следовавших друг за другом событий, явлений в истории изучения памятника и усилий по его сохранности, а как борьбу идей, возникновения концепций и взаимодействия противоречий.

Опираясь на данные истории архитектуры Византии, Персии различных периодов и османского зодчества, а также на результаты археологических исследований в Туркестане в первых двух десятилетиях XX века, Юрий Ёлгин расширил и углубил поиски возможного прототипа пространственного решения мавзолея Яссауи.

Истоки его планировочной структуры автор видит в сакральной идее Иерусалимского храма, также сыгравшего большую роль в исламе. В итоге многолетних исследований и размышлений он приходит к

выводу, что мавзолеем Яссауи представляет собой новый в исламе тип сакрального пространства, созданный в Ясы зодчими Тимура. Проект строительства туркестанской мечети уникален, никем не повторен. Именно Тимура автор книги считает создателем нового и впоследствии не повторенного сакрального пространства, которое воплотилось в создание мавзолея Яссауи.

– Идея храма латентно присутствует в планировке и архитектурном строе мавзолея Яссауи, – убежден Юрий Ёлгин. – Мечеть Биби-ханым – главное творение Тимура, превосходящее по масштабу и по великолепию убранства скромный туркестанский памятник. Но такие мечети были в Персии до Тимура, строились и после него. На роль храма мечеть Биби-ханым не годилась, потому что ее сакральное пространство, выполняя роль места всеобщей молитвы, не могло вобрать в себя то множество смыслов, символических и семантических значений, которые таят в себе собор Святой Софии Константинопольской и мавзолеем Яссауи.

Слово «храм» как будто бы неприемлемо для мусульманина, даже понятия такого в исламе не существует, потому что напоминает о язычестве, но тем не менее оно есть – храмовое сознание, ему нужно куда-то прийти в великое строение и пройти через великие врата. Каждый народ нуждается в архитектурном символе. В каждом народе живет храмовое сознание. Ислам был равнодушен к архитектурным формам, но тем не менее созданы бухарские, самаркандские, иракские и прочие великолепия, потому что сам человек нуждается в храме своем. Туркестанский памятник сакрализован в связи с какой-то идеей. Скорее всего, это суфийские воззрения. Вполне возможно, что мы вообще не узнаем, как практика ритуалов суфизма влияла на создание архитектурных форм.

На протяжении всего исследования Юрий Ёлгин скрупулезно сверяется с фактами. Он изучает документы, литературу и делает свои теоретические построения на основе зарубежных и дореволюционных изданий, долгие годы обдумывает события и выстраивает логические цепочки. Но все равно сверять надо с чем-то конкретным. Для Юрия Андреевича таким ориентиром стала археология, к открытиям которой он все время обращается.

В этом плане определяющей стала находка в ходе раскопок в 2011 году известным казахстанским ученым Ербулатом Смагуловым уникального древнего архитектурного сооружения крестообразной формы,

находящегося в 300 метрах от мавзолея Ходжи Ахмета Яссауи. Предполагается, что уникальный археологический памятник вполне может представлять собой храм одной из религий, распространившейся в первые века нашей эры по всей Центральной Азии. Не исключено, что здесь совершались обряды и ритуалы. Покидая эту территорию, жители замуровали все внутренние помещения сырцовыми кирпичами, что помогло комплексу сохраниться. И это еще одно подтверждение культового предназначения крестообразного здания.

– При таком раскладе сам по себе напрашивается вывод, что храмовое содержание всей градостроительной деятельности было определено в первые века новой эры, – делает заключение Юрий Ёлгин. – Почему я думаю, что Тимур выбрал местом строительства огромного здания мавзолея город Ясы? Считается, что поводом стал разгром золотоордынского хана Тохтамыша. Грандиозной постройкой Тимур захотел показать свою мощь и величие. А еще – упрочить положение на северных границах владений. Но он мог это сделать в Отраре, допустим, или Сыганаке, в более крупных городах. Но он выбирает Ясы. Конечно, объяснение есть, там похоронен святой. А на самом деле там, видать, все время жило храмовое сознание, и, возможно, Тимур об этом догадывался. Как бы то ни было, этот памятник будет рождать массу новых интерпретаций, как Парфенон или другие архитектурные шедевры. Он будет без конца будоражить умы ученых и исследователей, ведь главная суть его – не в архитектурной декорации, облицовке. В нем – красота пространственных решений.

– Книга Юрия Ёлгина – это труд всей жизни человека, – так прокомментировал издание академик НАН РК Бауыржан Байтанаев. – Это выдающееся сочинение, таких по этому памятнику больше просто нет. Вся история мавзолея Ходжи Ахмета Яссауи – это история его реставрации начиная с XVI века. Автором полностью произведен архитектурный и археологический анализ всех письменных источников, сделаны выводы. Он изучил все доступные архивы, связанные с этим памятником. Если была бы возможность, у нас просто такое сейчас не практикуется, ученую степень можно сразу давать за такую работу.

Любовь ДОБРОТА